

Привлечение потенциала диаспор в систему высшего образования: зарубежный опыт

И. Д. Лошкарёв, Е. А. Захарова*

*ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации», г. Москва, Россия,
kixlo@rambler.ru

Введение: современные тенденции международной миграции приводят к укреплению количественного и качественного (с точки зрения образования, благосостояния) состава зарубежных диаспор. Параллельно высшие учебные заведения сталкиваются с проблемами, связанными с недостатком финансирования, сложностью производства знаний и инноваций, ресурсоемкостью обновления образовательных программ. В такой ситуации вполне резонно предположить, что мигранты смогут компенсировать часть затрат при наличии определенных стимулов. Для этого необходимо выявить основные стратегии государств по взаимодействию с диаспорами в целях развития университетов и рассмотреть перспективы формирования горизонтальных связей, не требующих вмешательства государств.

Материалы и методы: основой исследования послужили статистические материалы, которые позволяют сделать предварительную оценку масштаба мигрантских перечислений в сферу высшего образования, а также эмпирические данные по поводу «сетей знания», демонстрирующие их количественные и географические распределения. Методологическую основу исследования составили компаративный, структурно-системный и SWOT-анализ.

Результаты исследования: определены основные стратегии, к которым прибегают зарубежные органы власти и администрации ведущих университетов для того, чтобы усилить материальную базу исследовательского и образовательного процесса. Показана роль международных и неправительственных организаций и их программ по содействию вышеуказанным усилиям. Проанализированы слабые и сильные стороны наиболее распространенных стратегий взаимодействия диаспор и университетской среды, а именно – прямого сбора средств и формирования «сетей знания».

Обсуждение и заключения: сформулированы рекомендации по повышению согласованности деятельности государств в условиях многоуровневости взаимодействий с диаспорами, в том числе для органов власти Российской Федерации. Внесены предложения для дальнейшего совершенствования нормативно-правовой базы и деятельности основных государственных органов и фондов России по работе с потенциалом российской диаспоры. Заявленные возможности при создании ряда условий могут быть использованы для развития материального и интеллектуального потенциала вузов.

Ключевые слова: высшее образование, диаспора, университет, «сети знания», исследовательский проект, пожертвование

Для цитирования: Лошкарёв И. Д., Захарова Е. А. Привлечение потенциала диаспор в систему высшего образования: зарубежный опыт // Интеграция образования. 2017. Т. 21, № 3. С. 395–404. DOI: 10.15507/1991-9468.088.021.201703.395-404

Engaging Diasporas' Potential in Higher Education System: Foreign Experience

I. D. Loshkariov*, E. A. Zakharova

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation, Moscow, Russia,

*kixlo@rambler.ru

Introduction: the article deals with the main strategies used by foreign authorities and leading universities in order to foster the material base of the research and educational process. The article also addresses the role of international organisations and programmes in promoting education development. It is important to allocate funds of the diaspora transfers in a targeted manner to education, engaging highly skilled migrants to the joint research projects and otherwise helping to ensure that “brain drain” can be turned into a sharing of knowledge, skills and technology.

Materials and Methods: the study is based on the statistic materials, allowing us to make a preliminary assessment of the scope of migrant transfers in the field of higher education, as well as to supply empirical evidence about the so-called “knowledge networks” that demonstrates their quantitative and geographical distribution. The methodological basis of the research is composed of the following methods: a comparative analysis of structural and system analysis and SWOT-analysis.

Results: the study confirms the importance of such organisational forms of scientific cooperation as a major inter-university research groups and consortia. Current trends in international migration lead to the strengthening of foreign diasporas both in quantitative and qualitative terms (with regards to education or welfare). At the same time, universities are facing a set of problems related to funding, the complexity of the production of knowledge and innovation, resource-taking upgrades of educational programmes. In this situation, it is reasonable to assume that the migrants of the first and succeeding generations will be able to offset some of the costs, given that there will be a certain stimulus.

Discussion and Conclusions: the article recommends to improve the coherence of national activities under conditions of multilevel interactions with diasporas, underlines the necessity of universities' active participation in attracting the attention of diaspora organisations and intermediaries.

Keywords: higher education, diasporas, university, “knowledge networks”, research project, donations

For citation: Loshkariov I.D., Zakharova E.A. Engaging diasporas' potential in higher education system: foreign experience. *Integratsiya obrazovaniya* = Integration of Education. 2017; 21(3):395-404. DOI: 10.15507/1991-9468.088.021.201703.395-404

Введение

Система высшего образования стоит перед определенными вызовами не только в России, но и по всему миру. Проблемы, с которыми сталкиваются высшие учебные заведения, во многом общие: недостаток финансовых ресурсов, сложности в воспроизводстве знаний и подготовке нового поколения ученых, нехватка времени на исследовательскую работу. Помимо указанных внутривузовских проблем, на высшие учебные заведения влияет общая ситуация в стране, в том числе уровень экономического благосостояния, ситуация в начальном и среднем образовании, политическая нестабильность. Все это создает определенные барьеры, не позволяющие решить хотя бы финансовые и кадровые проблемы.

В подобных условиях возникает необходимость поиска внешних источников поддержки вузовской среды, причем

это касается не только материальной составляющей, но и обмена идеями и обновления инновационного потенциала вузов. Одним из таких возможных источников могут стать зарубежные диаспоры – выходцы из определенной страны, поселившиеся на продолжительное время в другом государстве, а также их потомки, сохраняющие в ограниченном виде культуру и идентичность первого поколения мигрантов, а также эмоциональную связь с территорией происхождения [1, с. 127–128]. Представители диаспор активно вовлечены в экономические отношения с родным государством, осуществляют финансовые перечисления оставшимся там родственникам, а также участвуют в так называемой передаче знаний (другой близкий термин – «социальные переводы»), т. е. способствуют обмену знаниями и навыками. Однако некоторые

авторы утверждают, что только крупные по размеру диаспоры (например, китайская или индийская) активно вовлечены в интеллектуальный обмен со страной происхождения, что создает определенные ограничения для поддержки воспроизводства знаний и подготовки кадров, отвечающих наиболее актуальным запросам рынка труда и инноваций [2, с. 5].

Государства активно озаботились проблемой привлечения потенциала диаспор в целях собственного развития. Финансовая сторона вопроса такова: перечисления от диаспор оцениваются всего в 2–3 % от ВВП в различных регионах, но для наименее развитых стран этот показатель увеличивается до 9 %. Более того, некоторые государства даже выпускают специальные долговые обязательства для участников диаспор с целью покрытия расходной части бюджета (например, Индия и Израиль). При этом сейчас идет определенная работа по направлению средств непосредственно в сферу образования, в том числе, минуя государственные институты [3, с. 156–160, 164–166].

Об актуальности привлечения инновационного потенциала диаспор свидетельствуют следующие факты. Согласно данным Всемирной организации интеллектуальной собственности, за два десятилетия (1990–2010 гг.) доля зарегистрированных обладателей патентов мигрантского происхождения выросла с 5 до 8–9 % [2, с. 7–9]. По подсчетам Ф. Докуэра и Х. Раппопорт, доля высококвалифицированных мигрантов (высшее образование, возраст от 25 лет) в общем объеме миграции выросла за 1990–2000 гг. на 5,1 %, особенно за счет стран со средним уровнем дохода и небольших государств (с населением менее 25 млн чел.) [4, с. 684–685]. Проще говоря, все больше людей с высшим образованием мигрируют в другие государства и уже там создают свои изобретения и инновации.

По заключению Международной ассоциации университетов, государства

и государственные структуры с целью сдерживания негативных эффектов от эмиграции специалистов все активнее «устанавливают формальные связи с академическими талантами и диаспорами»¹. Таким образом, задача выработки оптимальной стратегии взаимодействия университетов и диаспор занимает важное место в общей повестке развития государства, особенно в системе высшего образования и сфере производства инноваций. В этой связи важно понять, как именно можно использовать потенциал диаспор в обозначенных целях. Для этого необходим сравнительный анализ уже имеющихся достижений и неудач в данном направлении, а также комплексное осмысление тех стратегий, к которым прибегают современные государства.

Обзор литературы

Основной этап изучения проблематики взаимодействия диаспор и государств в вопросах социального и экономического развития начался в конце 90-х гг. XX в. В начале XXI в. (приблизительно с 2003–2004 гг.) на потенциал диаспор с точки зрения обмена знаниями, навыками и технологиями обратил внимание Всемирный банк, что подстегнуло изучение смежных вопросов финансирования проектов в данной сфере и взаимодействий с органами управления на различных уровнях (от общенационального до муниципального). В большинстве исследований подчеркивалась необходимость тесной кооперации диаспор и международных структур с высшими учебными заведениями.

Вопросы обмена знаниями и технологиями с помощью статистических методов исследовали Э. Мигуэлес, Ф. Докуэр и Х. Раппопорт [2; 4]. Качественный анализ данной проблематики представили У. Ларнер, Э. Леклерк и Дж. Мейер [5; 6]. В данных исследованиях широкое освещение получили вопросы стратегии государств, а так-

¹ Affirming academic values in internationalisation of higher education: a call for action. International association of universities [Электронный ресурс]. URL: http://www.iau-aiu.net/sites/all/files/Affirming_Academic_Values_in_Internationalization_of_High_Education.pdf (дата обращения: 12.10.2016).

же позитивно зарекомендовавшие себя управленческие практики (прежде всего китайский и индийский опыт). В то же время роль собственно вузов и академического сообщества в упомянутых работах рассмотрена несколько размыто.

Не менее важный вопрос – обеспечение дополнительного финансирования исследований и усовершенствования образовательного процесса – рассмотрели в своих публикациях С. Кеткар и Д. Ратха, а также эксперты Института миграционной политики (г. Вашингтон) К. Ньюланд, К. Мюнстер и А. Терразас [3; 7]. В качестве основных инструментов использования потенциала диаспор исследователи предложили эмиссию специальных долговых обязательств, формирование группы целевых исследовательских проектов, активизацию работы университетов и государственных органов по сбору средств (прежде всего фандрайзинг).

Попытку целостного взгляда на привлечение участников диаспоры с научным бэкграундом представили Н. А. Ащеулова и С. А. Душина [8]. Однако в данной статье внимание преимущественно уделяется латиноамериканскому опыту, что несколько снижает ценность полученных авторами выводов. Кроме того, указанная публикация рассматривает миграцию специалистов исключительно с позиций дихотомии «центр – периферия», что не отражает активно развивающуюся интеллектуальную миграцию по линии «юг – юг». Таким образом, в отечественной научной литературе все еще отсутствует комплексное исследование стратегий государств по вопросу привлечения потенциала диаспор в целях развития системы высшего образования. Более того, не уделяется внимание структурным условиям успешности таких стратегий.

Материалы и методы

Данная статья посвящена особенностям развития сотрудничества диаспор и высших учебных заведений, что накладывает определенные методологические обязательства. Рассмотрены сильные и слабые стороны такого сотрудничества, выявлены наиболее эффективные «точ-

ки роста», что обусловило обращение к SWOT-анализу. Изучение специфики взаимодействия высших учебных заведений, государств и диаспор подразумевает использование компаративного анализа. Наконец, в статье используется метод структурно-системного анализа, который позволяет выделять долгосрочные тенденции и при этом сохранять целостность взгляда на проблему.

Материалами для исследования выступили официальные документы Всемирного банка, ряда государств, а также обширный массив статистической информации, представленный в работах Э. Мигуэлес, Ф. Докуэр и Х. Раппопорт [2; 4]. Безусловно, в условиях дальнейшего накопления эмпирической базы и при наличии определенных подвижек в структуре регулирования миграции как на глобальном, так и региональном уровнях, выявленные тенденции и особенности развития взаимоотношений диаспор и высших учебных заведений, а также значимость поддержки органов власти на различных уровнях управления (от общенационального до локального) могут претерпеть определенные изменения. Однако сама направленность сотрудничества в данной сфере, а также сильные и слабые стороны конкретных взаимодействий надежно фиксируются представленными методами анализа, прежде всего SWOT-анализа.

Результаты исследования

Современная система высшего образования стоит перед многими вызовами и вынуждена меняться не только в содержательном смысле, но и в структурном. Большое внимание уделяется расширению линейки бакалаврских программ, а также программ аспирантского (post-graduate) и последипломного образования. В связи с этим перед вузами ставится задача обновления и актуализации учебных планов и программ, сочетания в образовательном процессе прикладных и фундаментальных аспектов [9, с. 96–97].

Вопросы финансирования вузов и конкретных исследовательских проектов

остаются ключевыми для воспроизводства знаний и повышения качества образования. Ресурс диаспор в данном случае может оказаться значительным. По данным Всемирного банка, общий объем перечислений мигрантов в 2015 г. составил 596 млрд долл., а в 2016 г. этот показатель ожидается на уровне 610 млрд долл.² В некоторых странах такие перечисления – это заметная доля ВВП (например, 42 % – в Таджикистане, 32 – в Киргизии, 29 – в Непале, 25 – в Молдове, 24 % – в Лесото и Самоа³). Конечно, далеко не все участники диаспор готовы жертвовать средства высшим учебным заведениям. По выражению кенийского профессора И. Адесиды, «нет ни одного... миллионера, который даст деньги второразрядному университету просто потому, что этот университет расположен в его родной деревне»⁴.

Международные организации и западные страны озабочены тем, как расходуются перечисления и в какие сферы они направляются. Так, в 2010 г. при содействии Государственного департамента США и Фонда Калверта было запущено государственно-частное партнерство «Международный Альянс вовлечения диаспор», которое начало поощрять проекты латиноамериканских, ближневосточных диаспор, а также выходцев из Индии и Филиппин⁵. Хотя частная поддержка зарубежных высших учебных заведений гражданами США в 2008 г. составила всего 4,5 % от общего объема пожертвований (религиозным организациям было перечислено почти в 4 раза больше), что косвенно говорит о некотором использовании финансового потенциала диаспор [7].

В западной академической литературе часто высказывается мнение, что большой потенциал для взаимодействия диаспор и университетов представляют локальные организации – городские землячества (hometown association). Считается, что они способны лучше контактировать с предпринимательскими кругами и решать локальные задачи, не связанные с переустройством системы образования целиком. Основным способом поддержки социальных объектов (в том числе вузов в крупных городах) со стороны подобных структур являются кампании по сбору средств. Несмотря на рост числа таких городских землячеств, их конкретная роль пока не столь значительна [8].

Вероятно не менее эффективный способ сбора средств на нужды университетов – это прямой фандрайзинг (или даже краудфандинг), т. е. сбор средств на университетских и академических мероприятиях. Например, Филиппинский университет (г. Манила) проводит регулярные сборы средств на встречах выпускников, а на свое столетие обратился к бывшим студентам с просьбой собрать 100 млн долл. В целом филиппинская диаспора собирает до 1 млрд долл. в год (не считая индивидуальных пожертвований), а проекты с образовательным уклоном занимают львиную долю. При этом диаспора старается направлять средства, минуя государственные институты, формирует специальные фонды и прибегает к адресной помощи и финансированию конкретных программ [10]. Еще одним из направлений совершенствования взаимодействия диаспор и государств их происхождения остается

² Remittances growth to slow sharply in 2015, as Europe and Russia stay weak; pick up expected next year [Электронный ресурс]. URL: <http://www.worldbank.org/en/news/press-release/2015/04/13/remittances-growth-to-slow-sharply-in-2015-as-europe-and-russia-stay-weak-pick-up-expected-next-year> (дата обращения: 12.10.2016).

³ Remittances to developing countries to grow by 5 percent this year, while conflict-related forced migration is at all-time high, says WB report [Электронный ресурс]. URL: <http://www.worldbank.org/en/news/press-release/2014/10/06/remittances-developing-countries-five-percent-conflict-related-migration-all-time-high-wb-report> (дата обращения: 12.10.2016).

⁴ Kigotho W. Universities need new funding models and African donors [Электронный ресурс]. URL: <http://www.universityworldnews.com/article.php?story=20160415135012268> (дата обращения: 12.10.2016).

⁵ Engaging diasporas in development through investment [Электронный ресурс]. URL: <http://www.calvertfoundation.org/blog/483-engaging-diasporas-in-development-through-investment> (дата обращения: 12.10.2016).

создание «сетей знания», которые объединяют ученых из числа диаспоры и высшие учебные заведения в стране происхождения [11; 12]. Этому способствует рост числа мигрантов в академической среде. Так, в Великобритании, несмотря на заметные усилия правительства по сокращению потоков миграции, доля ученых в университетах, которые родились в другой стране, за период с 2004 по 2013 г. составила 26,8 %. Причем эти специалисты чаще занимают позиции исследователей, а не преподавателей, т. е. гораздо больше вовлечены в процесс обновления и воспроизводства знаний [5, с. 200]. Обычно «сети знания» институционализируются в качестве крупных исследовательских проектов или межуниверситетских консорциумов, например, «Университеты Азиатско-Тихоокеанского региона» или «Университетский Консорциум по евроатлантической безопасности» (участники – Гарвардский, Оксфордский, Колумбийский университеты, Свободный университет г. Берлина, Высшая школа экономики, МГИМО). Подобные консорциумы необязательно полностью подчинены логике взаимоотношений диаспор и государств происхождения, по мере их развития к работе подключаются ученые с близкими исследовательскими интересами.

Еще один аспект развития «сетей знания» – это продвижение посреднических услуг диаспор. Что касается вузовской среды, то представители диаспор часто обладают обширными контактами и знанием тонкостей общества в стране происхождения. Это вызывает определенный спрос среди интересующихся различными сферами жизни страны происхождения. Таким образом, ученые из диаспоры сводят исследователей своей страны происхождения с нужными людьми на месте, предоставляют экспертные заключения по сложным проблемам и, в конечном счете, выступают в роли посредников [5, с. 202–203]. Этот неформальный статус сложно развивать административными мерами, однако у большинства универ-

ситетов есть обширный круг контактов за рубежом, включающий представителей соответствующей диаспоры.

Существуют определенные сложности в изучении (а, значит, и в выработке конкретных мер) «сетей знания». Высказывались соображения, что частота и плотность контактов представителей диаспор и стран происхождения нередко остается небольшой. Кроме того, сложно установить, происходит ли передача знаний или же все ограничивается формальными любезностями, т. е. ставится под сомнение результативность «сетей знания». Наконец, контакты в вузовской среде нередко происходят на неформальной основе, что создает сложности не только в процессе операционализации, но и в идентификации контактов. Э. Леклерк и Дж. Мейер предложили сочетать опросные и статистические методики для решения подобных проблем. Представленные ими неполные статистические данные подтверждают, что количество «сетей знания» рано или поздно переходит в качество: свыше половины «сетей знания» связаны со странами Азии (прежде всего Индией, Китаем, Бангладеш). Обычно для демонстрации эффективности «сетей знания» обращаются к опыту бурного развития IT-индустрии в Индии в последнее десятилетие, которое случилось в рамках эффективного взаимодействия в системе «вузы – корпорации – государство» [6, с. 153–158].

Возникает вопрос: как государства могут поощрять формирование «сетей знания»? Во-первых, речь может идти о поощрении возвращения академических ученых из рядов диаспоры в страну происхождения. Китай, например, развернул многоуровневую программу по привлечению высококвалифицированных китайцев, проживающих в других странах, на родину. В 1990–2010 гг. Министерство образования КНР потратило 98 млн долл. на возвращение свыше 20 000 исследователей, которые фактически заложили основы многих наук в стремительно развивающейся стране. Аналогичные программы были запущены Китайской Академией наук, а также

на уровне региональных и городских администраций. В результате к 2009 г. возвратившиеся мигранты составили 72 % руководителей исследовательских проектов, 67 % награжденных премиями в области естественных наук. Вернувшимся китайцам гарантируются определенные административные и исследовательские позиции, предоставляется единовременная выплата [13, с. 189]. Политика возврата эмигрировавших специалистов позволяет также обогатить вузовскую и исследовательскую среду страны происхождения людьми с обширными контактами в зарубежном академическом и экспертном сообществе, с опытом участия в крупных проектах. Фактически речь идет не об устранении «сетей знания», а об их географической реконфигурации.

Во-вторых, государства поощряют создание виртуальных платформ для обсуждения актуальных вопросов и передачи опыта. Однако практика их формирования не всегда успешна. Например, «Южноафриканская сеть зарубежного опыта» (South African Network of Skills Abroad – SANSA), которая спонсируется правительством ЮАР, фактически не функционирует: проверка аккаунтов исследователей показала, что до 40 % участников не отвечают на запросы, еще 6–7 % посещают веб-портал крайне нерегулярно. Напротив, созданная в Колумбии при Институте развития науки и технологий виртуальная сеть ученых, объединившая выходцев из страны и собственно колумбийских ученых, оценивается экспертами весьма позитивно [8, с. 95].

Таким образом, основными стратегиями, использующимися за рубежом для привлечения потенциала диаспор в целях развития высшего образования, являются повышение академической мобильности ученых, формирование сетевых и неформальных межуниверситетских и исследовательских групп, работа с локальными диаспоральными организациями, акции по сбору средств и перенаправление средств от финансовых перечислений мигрантов на образовательные нужды. Большинство стратегий сталкиваются с трудностями

в регуляторной сфере: цель стратегии устроена так, что требует точечного и деликатного обращения. Прямые директивные методы при использовании потенциала диаспор при развитии вузов часто не срабатывают. Слабый эффект дает и создание виртуальных «сетей знания», поскольку необходимость трансфера идей не подкрепляется практикой неформальной и повседневной коммуникации.

Обсуждение и заключения

Анализ существующих стратегий государств по обозначенной проблеме подводит нас к следующему заключению: необходимы меры по созданию формальных и неформальных институтов в системе «государство – вуз – диаспора». Каждая из «граней» подобной институциональной структуры будет создавать возможности для данной отрасли управления в целом. В частности, университеты во взаимодействии с соответствующей диаспорой в состоянии внести существенный вклад в решение следующих проблем:

- распространение знаний, навыков, технологий с возможной подготовкой к их коммерциализации;
 - снижение негативного макроэкономического эффекта от образовательной миграции;
 - компенсация недостаточного финансирования исследований и системы образования в целом (пусть и неполная).
- При этом деятельность государств в данном вопросе должна включать следующие элементы:
- формирование органов взаимодействия с организациями диаспор, предоставление им информации о готовящихся проектах и наиболее уязвимых высших учебных заведениях, снижение возможного недоверия между государством происхождения и диаспорой;
 - создание государственно-частных партнерств с целью привлечения академической среды к разработке востребованных продуктов;
 - увеличение финансирования исследований и модернизации образовательных программ (при наличии достаточных средств);

- привлечение потенциала международных организаций и реализуемых ими программ (например, программ по краткосрочным тренингам Международной организации по миграции);

- формирование механизмов страхования от неожиданных происшествий – увеличения стоимости денежных переводов, внезапного разрыва контактов.

Многомерное взаимодействие с диаспорой (как на уровне органов государственной и региональной власти, так и непосредственно администраций вузов) не должно превращаться в несогласованные попытки укрепить связи с соотечественниками. Опыт таких стран, как Китай и Индия (а также отчасти Колумбия), показывает, что роль государства заключается прежде всего в выработке оптимальной стратегии, доведении ее содержания до максимального числа заинтересованных сторон и корректировке целей по мере продвижения к результату.

Остается открытым вопрос о формировании условий для привлечения потенциала диаспор по линии «государство – вузы», поскольку этот вопрос зависит от степени государственного регулирования образовательного рынка. В частности, в Российской Федерации данная «грань» институционального треугольника «государство – вузы – диаспора», вероятно, имеет большие возможности, поскольку большинство вузов в России – государственные (в 2015/16 учебном году они составили 59,1 %; в них учились 85,2 % всех студентов)⁶.

Зарубежный опыт взаимодействия диаспор и высших учебных заведений показывает, что наиболее успешные примеры взаимодействия требуют следующего:

- формирования горизонтальных связей, прежде всего, по линии неформальных контактов исследователей – исследовательских групп, университетских консорциумов (с умеренным использованием виртуальных площадок для коммуникации);

- формулировки конкретных предложений по взаимодействию диаспор,

ученых из числа диаспоры, а также университетов в стране происхождения;

- умеренности и четкости в постановке целей для предотвращения дублирования функций различных исследовательских и образовательных проектов;

- проявления инициативы со стороны университетов, активизации встреч выпускников и иных мероприятий с участием представителей конкретной диаспоры;

- привлечения ученых и экспертов из числа определенной диаспоры в крупные исследовательские проекты.

Перечисленные направления работы с диаспорами должны найти отражения и в практической деятельности органов государственной и муниципальной власти России. На уровне взаимодействия с российской диаспорой отмечаются определенные достижения (деятельность Россотрудничества, фонда «Русский мир», Фонда А. Горчакова), но не хватает сфокусированности на конкретной проблематике, в том числе образовательной. По остальным направлениям – формирование механизмов страхования, дополнительное финансирование и создание государственно-частных партнерств – Россия находится в начале пути. Возможно, необходимо усовершенствовать нормативно-правовую базу взаимодействия образовательных организаций и зарубежных диаспоральных организаций, а также наделить Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом (Россотрудничество) дополнительными полномочиями по координации деятельности в связке «диаспоры – вузы». Определенные условия для возникновения горизонтальных связей между представителями диаспоры в академической среде и отечественными вузами создают совместные грантовые проекты по линии научных фондов (РНФ, РФФИ), однако без серьезных финансовых вливаний отдачи от таких проектов (а именно – формирования «сетей знания») может и не быть.

⁶ Образовательные организации высшего образования [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/obraz/vpo.doc (дата обращения: 04.04.2017).

СПИСОК
ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Лошкарёв И. Д. Роль диаспор в современной мировой политике // Вестник МГИМО Университета. 2015. № 2 (41). С. 127–133. URL: <http://www.vestnik.mgimo.ru/razdely/arhiv-zhurnala-vestnik-mgimo> (дата обращения: 12.10.2016).
2. Miguelez E. Inventor Diasporas and the Internationalization of Technology // The World Bank Economic Review. 2016. Pp. 1–28. DOI: 10.1093/wber/lhw013
3. Ketkar S. L., Ratha D. Diaspora bonds for funding education // Migration Letters. 2011. Vol. 8, no. 2. Pp. 153–172. URL: http://www.dilipratha.com/index_files/DB-education.pdf.pdf (дата обращения: 12.10.2016).
4. Docquier F., Rapoport H. Globalization, Brain Drain, and Development // Journal of Economic Literature. 2012. Vol. 50, no. 3. Pp. 681–730. DOI: 10.1257/jel.50.3.681
5. Larner W. Globalising knowledge networks: Universities, diaspora strategies, and academic intermediaries // Geoforum. 2015. Vol. 59. Pp. 197–205. DOI: 10.1016/j.geoforum.2014.10.006
6. Leclerc E., Meyer J. B. Knowledge diasporas for development // Asian Population Studies. 2007. Vol. 3, no. 2. Pp. 153–168. DOI: 10.1080/17441730701500004
7. Newland K., Terrazas A., Munster R. Diaspora philanthropy: private giving and public policy [Электронный ресурс]. URL: <http://www.migrationpolicy.org/sites/default/files/publications/diasporas-philanthropy.pdf> (дата обращения: 12.10.2016).
8. Ащеулова Н. А., Душина С. А. «Brain drain or brain gain»: некоторые тенденции научной политики стран периферии // Социология науки и технологий. 2012. Т. 3, № 1. С. 88–97. URL: <http://sst.nw.ru/ru/archive> (дата обращения: 12.10.2016).
9. Касаткин П. И., Иноземцев М. И. Актуальные вопросы организации образовательной деятельности по программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре // Высшее образование в России. 2016. № 4. С. 123–127. URL: <http://www.vovr.ru/arhiv2016.html> (дата обращения: 12.10.2016).
10. Garchitorena V. P. Diaspora philanthropy: The philippine experience [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cbd.int/financial/charity/philippines-diaspora.pdf> (дата обращения: 12.10.2016).
11. Морозов В. М. Интеллектуальная миграция в Израиль: российский аспект // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 6. С. 238–241. URL: <http://www.vestnik.mgimo.ru/razdely/arhiv-zhurnala-vestnik-mgimo> (дата обращения: 12.10.2016).
12. Морозов В. М. Опыт Израиля в привлечении высококвалифицированных мигрантов // Международные процессы. 2013. Т. 11, № 3–4. С. 85–94. URL: http://www.intertrends.ru/anniversary_issue.htm (дата обращения: 12.10.2016).
13. Leung M. W. H. Engaging a temporal-spatial stretch: An inquiry into the role of the state in cultivating and claiming the Chinese knowledge diaspora // Geoforum. 2015. Vol. 59. Pp. 187–196. DOI: 10.1016/j.geoforum.2014.06.008

Поступила 13.03.2017; принята к публикации 29.05.2017; опубликована онлайн 29.09.2017.

Об авторах:

Лошкарёв Иван Дмитриевич, преподаватель кафедры политической теории ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (119454, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, д. 76), **ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7507-1669>**, kixlo@ Rambler.ru

Захарова Евгения Александровна, специалист кафедры политической теории ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (119454, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, д. 76), **ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3475-6204>**, polittheory@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Лошкарёв Иван Дмитриевич – разработка методологической составляющей; участие в подготовке окончательной редакции текста.

Захарова Евгения Александровна – анализ статистических данных; участие в подготовке окончательной редакции текста.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Loshkariyov I.D. [The role of diasporas in modern world politics]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* = MGIMO-University Bulletin. 2015; 2(41):127-133. Available at: <http://www.vestnik.mgimo.ru/razdely/arhiv-zhurnala-vestnik-mgimo> (accessed 12.10.2016). (In Russ).
2. Miguelez E. Inventor diasporas and the internationalization of technology. *The World Bank Economic Review*. 2016:1-28. DOI: 10.1093/wber/lhw013
3. Ketkar S.L., Ratha D. Diaspora bonds for funding education. *Migration Letters*. 2011; 8(2):153-172. Available at: http://www.dilipratha.com/index_files/DB-education.pdf.pdf (accessed 12.10.2016).
4. Docquier F., Rapoport H. Globalization, brain drain, and development. *Journal of Economic Literature*. 2012; 50(3):681-730. DOI: 10.1257/jel.50.3.681
5. Larner W. Globalising knowledge networks: Universities, diaspora strategies, and academic intermediaries. *Geoforum*. 2015; 59:197-205. DOI: 10.1016/j.geoforum.2014.10.006
6. Leclerc E., Meyer J.B. Knowledge diasporas for development. *Asian Population Studies*. 2007; 3(2):153-168. DOI: 10.1080/17441730701500004
7. Newland K., Terrazas A., Munster R. Diaspora philanthropy: Private giving and public policy. Available at: <http://www.migrationpolicy.org/sites/default/files/publications/diasporas-philanthropy.pdf> (accessed 12.10.2016).
8. Ashcheulova N.A., Dushina S.A. ["Brain drain or brain gain" some tendencies of the scientific policy of the periphery countries]. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii* = Sociology of Science and Technology. 2012; 3(1):88-97. Available at: <http://sst.nw.ru/ru/archive> (accessed 12.10.2016). (In Russ.)
9. Kasatkin P.I., Inozemtsev M.I. Current issues of arranging post-graduate education of academic staff training. *Iyssheye obrazovaniye v Rossii* = Higher education in Russia. 2016; 4:123-127. Available at: <http://www.vovr.ru/arhiv2016.html> (accessed 12.10.2016). (In Russ.)
10. Garchitorenko V.P. Diaspora philanthropy: The philippine experience. Available at: <https://www.cbd.int/financial/charity/philippines-diaspora.pdf> (accessed 12.10.2016).
11. Morozov V.M. Intellectual migration to Israel: The Russian aspect. *Vestnik MGIMO-Universiteta* = MGIMO-University Bulletin. 2012; 6:238-241. Available at: <http://www.vestnik.mgimo.ru/razdely/arhiv-zhurnala-vestnik-mgimo> (accessed 12.10.2016). (In Russ.)
12. Morozov V.M. Israel's policy regarding intellectual immigration. *Mezhdunarodnye protsessy* = International processes. 2013; 11(3-4):85-94. Available at: http://www.intertrends.ru/anniversary_issue.htm (accessed 12.10.2016). (In Russ.)
13. Leung M.W.H. Engaging a temporal-spatial stretch: An inquiry into the role of the state in cultivating and claiming the Chinese knowledge diaspora. *Geoforum*. 2015; 59:187-196. DOI: 10.1016/j.geoforum.2014.06.008

Submitted 13.03.2017; revised 29.05.2017; published online 29.09.2017.

About the authors:

Ivan D. Loshkariyov, Lecturer of the Political Theory Chair, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation (76, Prospekt Vernadskogo, Moscow 119454, Russia), **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0002-7507-1669>, kixlo@rambler.ru

Evgenia A. Zakharova, Expert of the Political Theory Chair, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (76, Prospekt Vernadskogo, Moscow 119454, Russia), **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0003-3475-6204>, polittheory@mail.ru

Contribution of the authors:

Ivan D. Loshkariyov – development of the methodological framework; writing and revision of the draft.
Evgenia A. Zakharova – analysis of statistical data; writing and revision of the draft.

All authors have read and approved the final manuscript